

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чэн Ч. О композиции и литературном значении книги Иакинфа (Бичурина) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76734
EDN: DULMIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76734

О композиции и литературном значении книги Иакинфа (Бичурина) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»

Чэн Чэнбянь

аспирант; кафедра истории русской литературы ; МГУ-ППИ в Шэньчжэнь/ Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

518000, Китай, Гуандун, г. Шэньчжэнь, улица Гоцзидасюэюань, дом 1

✉ 865657038@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76734

EDN:

DULMIY

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2025

Дата публикации:

13-11-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу книги архимандрита Иакинфа (Н. Я. Бичурина) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (СПб., 1840) – одного из первых в России систематических трудов о китайской цивилизации. Цель исследования – выявить структуру и концептуальные принципы сочинения, определить его место в формировании русской синологии и в осмыслении образа Китая в литературной культуре первой половины XIX века. В статье труд Иакинфа рассматривается как энциклопедический свод знаний, объединяющий лингвистические, этнографические, исторические и философские наблюдения в целостную картину «рационально организованного Востока». Особое внимание уделяется тому, как в книге формируется модель научного описания Китая, создаваемая с опорой на представление о языке как форме мышления

и о знании как основе цивилизации. Методологическую основу исследования составляют текстологический, структурно-композиционный и культурно-исторический методы, направленные на выявление принципов построения книги Иакинфа и анализа её литературных особенностей в контексте русской словесности первой половины XIX века. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу книги архимандрита Иакинфа «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» – как научного труда и одновременно литературного произведения. Автор рассматривает сочинение не только как ранний образец русской синологии, но и как текст, обладающий самостоятельной художественной ценностью. Показано, что композиция книги подчинена принципу поступательного перехода от лингвистических и этнографических наблюдений к философскому осмыслению китайской цивилизации. Такая структура отражает движение от систематизации знаний к их эстетическому и культурному осмыслению. Язык и стиль сочинения сочетают элементы научного дискурса и просветительской прозы, формируя особый тип повествования на грани между наукой и литературой. Литературное значение труда заключается в том, что через рациональное описание Китая создаётся образ «упорядоченного Востока», воплощающий интеллектуальные поиски русской культуры XIX века и становление её гуманитарной рефлексии.

Ключевые слова:

Иакинф Бичурин, образ Китая, культурная рецепция, язык и мышление, композиция, литературное значение, русская синология, востоковедение, просветительский дискурс, научное описание Востока

Архимандрит Иакинф (Бичурин) (в миру Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853) возглавлял русскую православную миссию в Китае с 1807 г. до 1821 г. Все эти 14 лет он проживал в Пекине, в Россию вернулся в 1822 г. (сводку биографических сведений о нем см.: [4 1992]). Впоследствии он опубликовал более 60 работ о Китае, в том числе целый ряд объемных книг, посвященных разным аспектам истории, культуры, государственного устройства и повседневной жизни Китая (см. библиографию его трудов: [7]). Среди прочего он перевел «Троесловие» – важнейшее китайское учебное пособие, составленное в XIII веке и с тех пор постоянно применяющееся в начальном образовании в Китае (первое издание: «Сань-цзы-цзин, или Троесловие с литографированным китайским текстом», 1829), и написал «Китайскую грамматику» (1838), оказавшуюся первой созданной на русском языке оригинальной грамматикой китайского языка, и, в частности, по этой причине считается основоположником российского китаеведения.

С деятельностью Иакинфа (Бичурина) после его возвращения в Россию связано возрастание интереса к Китаю среди русских литераторов пушкинского времени. К концу 1820-х годов он поселился в Санкт-Петербурге и получил должность в Министерстве иностранных дел. С этого времени он стал входить литературные круги столицы, где довольно скоро стал достаточно заметной фигурой. М. П. Алексеев так пишет об этом периоде жизни Иакинфа: «Вскоре он стал появляться в высшем свете Петербурга в своем оригинальном полумонашеском костюме, со своей образцовой французской и английской речью и незаурядными познаниями по истории Дальнего Востока. Его заметили здесь и оказали ему покровительство и поддержку...» [1, с. 334]. Именно в это время Иакинф начинает печататься в журналах «Московский вестник» и «Московский

телеграф», выходят его первые книги, получающие положительные отклики как в этих, так и в других журналах, и постепенно он получает общее признание в качестве наиболее авторитетного в России знатока Китая и всего, что с ним связано (об отношениях Иакинфа с некоторыми писателями-современниками см. [\[3\]](#)).

Книга «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», впервые изданная в 1840 г. (и впоследствии много раз переиздававшаяся), – своеобразный итог китаеведческих исследований Иакинфа за 18 лет, прошедших после его возвращения в Россию. Это одно из первых серьёзных исследований о Китае, написанных на русском языке. Книга представляет собой систематическое описание китайского государства того времени. Она написана достаточно простым языком, понятным для рядовых читателей, и при этом точна в фактах и в изображении общей картины жизни Китая (особенностям ее языка и стиля специально посвящена одна диссертация, защищенная в 2019 г.: [\[10\]](#)). Эта книга не утратила своего значения и по сей день и привлекает новых читателей (последнее переиздание состоялось в 2016 г., см.: [\[9\]](#)).

Структура труда Иакинфа «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» представляет собой тщательно выстроенную систему знания о Китае, где каждый раздел подчинён единому принципу научной последовательности. Книга построена как своего рода энциклопедия китайской цивилизации, объединяющая лингвистику, этнографию, историю, право, экономику и моральное учение.

Повествование организовано по логике восхождения от общего к частному, от формы к содержанию, от языка как выражения мышления — к социальным и нравственным проявлениям культуры. В первой части, посвящённой языку и письму, автор раскрывает символическую основу китайской цивилизации: письменность для него — это не просто средство общения, а форма философского самовыражения народа. Далее следуют статистические сведения, задающие каркас государства — административное деление, численность населения, систему управления, на фоне которых Бичурин разворачивает описание институтов образования и науки.

Раздел о просвещении логически связывает внешнюю структуру империи с её духовной организацией. Автор рассматривает школы, педагогические и астрономические учреждения, а также приказ учёных Хань-линь-юань, демонстрируя, что китайская культура строится на идее знания и дисциплины, а не на случайной традиции. Эта часть подготавливает переход к самому объёмному разделу — описанию общественной и частной жизни китайцев, где Бичурин исследует дворцовые церемонии, государственные ритуалы, семейные и народные обычаи, пищу, одежду и формы учтивости. Таким образом, знание и повседневность образуют у него единое пространство культуры.

В последующих главах – «Меры народного продовольствия», «Уголовное законодательство», «Шаманство» – автор возвращается к аналитическому описанию экономических, правовых и религиозных механизмов общества. В этом прослеживается циклическая структура текста: движение от теоретического уровня — через социальную практику — к нравственно-философскому обобщению.

Особое место занимает глава «Китайская газета», расположенная ближе к концу книги. Включение этого раздела не случайно: она символически завершает круг описания, показывая, как знание и власть соединяются в информационной системе государства. Через описание Цзинь-бао («Столичного вестника») Бичурин представляет китайское государство как бюрократический организм, где печатное слово является прежде всего инструментом управления и исторической памяти.

Заключительные главы — «Нравы» и «Система миробития» — служат философским синтезом сказанного во всех предыдущих главах книги: эмпирические наблюдения здесь переводятся в сферу морально-антропологического осмысления.

Таким образом, последовательность частей (глав) книги имеет концептуальное значение: Иакинф выстраивает свою книгу по логике движения мысли от формы (язык, государственная система) – к духу (мораль, мировоззрение). В результате Иакинфу удалось создать первый в русской науке и литературе целостный образ Китая как рационально организованной цивилизации.

Особенности методологии Иакинфа как учёного китаиста и его творческой манеры как русского писателя можно увидеть, разбирая некоторые отдельные главы его книги, где научная точность соединяется с личным восприятием автора.

Это прежде всего раздел «О китайском языке и письме», которым открывается книга Иакинфа и задаёт методологический тон всему сочинению. Язык для Иакинфа не просто средство выражения мысли, а форма организации самого мышления. О китайском языке он пишет так: «Китайский язык совершенно отличается от всех известных — и древних, и новейших — языков и отличается поразительной особенностью в том, что в нём нет ни словообразования от корней, ни изменения слов по окончаниям» [\[6, с. 1\]](#). По всей видимости, китайский язык представляется автору как уникальный феномен «естественной логики», где грамматические отношения заменяются смысловыми связями.

В этом же разделе Иакинф вводит понятие «умственное изменение», обозначая им особую способность китайского языка выражать отношения между предметами и действиями не при помощи окончаний, а посредством внутреннего смыслового различия: «умственное изменение <...> оттеняет в нём качества, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений» [\[6, с. 2\]](#). Эта мысль предвосхищает позднейшие наблюдения филологов XIX века и показывает стремление автора к рациональному объяснению структуры китайского языка.

Не менее оригинально рассуждение Бичурина о письменности как идеографической системе. Он утверждает: «Письмо китайское есть идеографическое <...> место букв занимают условные знаки, которые сами собою представляют или предмет, или понятие» [\[6, с. 2\]](#). Автор сравнивает китайские иероглифы с мимическим языком глухонемых, подчёркивая универсальность знаков, способных служить средством общения для людей, не понимающих устной речи друг друга: «Жители разных стран, если знают китайское письмо, свободно могут разговаривать между собою» [\[6, с. 2\]](#).

Эти наблюдения напрямую связаны с переводческой практикой Иакинфы. В упомянутом в начале нашей статьи переводе «Троесловия» (1829) он применяет тот же принцип «умственного соответствия» – избегает буквальной передачи грамматических форм, стремясь сохранить внутреннюю структуру китайской мысли. Его способ «смыслового перевода» раскрывает понимание языка как выражения философской системы. В предисловии к переводу Иакинф отмечал, что китайские тексты требуют «не перевода слов, а переложения понятий», что соответствует идее умственного изменения из рассматриваемой главы.

В книге «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» Иакинф также уделяет большое внимание фонетике, предлагая систему передачи китайских звуков русскими буквами. Он замечает, что в китайском языке «...число всех звуков не простирается

выше 446, и каждый из них заключает в себе множество различных понятий» [\[6, с. 3\]](#), и подробно классифицирует гортанные согласные — от «гкань» и «пхань» до «чжань», показывая, как тонические различия передают смысловые оттенки. Эти наблюдения легли в основу его «Китайской грамматики» (1833), где он впервые попытался унифицировать пекинское произношение для русской синологии.

Таким образом, глава «О китайском языке и письме» «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» представляет собой не только филологическое введение, но и философское обоснование всего труда. Поскольку язык для Иакинфа — ключ к пониманию китайского мышления и культуры, то и осуществленный в его книге 1840 г. анализ звуков, знаков и смыслов создаёт образ Китая как цивилизации, основанной на гармонии формы и идеи.

Одним из наиболее поразительных и содержательных разделов труда Иакинфа Бичурина является глава «Китайская газета», где автор описывает единственное на тот момент периодическое издание, существовавшее в Китае, — пекинскую газету «Цзинь-бао» («Столичный вестник»). В самом начале Иакинф отмечает: «В Китае известна одна только газета, которая в мою там бытность издавалась в Пекине под названием Цзинь-бао» [\[6, с. 329\]](#), тем самым подчёркивая её уникальность и государственный характер.

Примечательна одна деталь, на которую Иакинф обращает особое внимание своих читателей: это механизм публикации официальных документов в газете. По словам Иакинфа, в «Цзинь-бао» печатались тексты, прошедшие через сложную систему инстанций — Государственный кабинет (Нэй-гэ), Военный комитет (Цзюнь-цзи-чу), и лишь затем утверждённые императором. Из этих документов, по словам Иакинфа, «составляется история Китайской империи» [\[6, с. 329\]](#), поскольку Всем учреждениям предписывалось ежедневно посылать в Кабинет копии бумаг, исходящих от императора.

Обрисованный Иакинфом образ Китая как государства, в котором бюрократическая отчётность превращается в историческую хронику, был для русской аудитории совершенно новым и необычным. Иакинф обращает внимание на то обстоятельство, что газета публиковала и такие материалы, которые в Европе сочли бы государственной тайной: «В ней помещается почти всё, что в европейских кабинетах считается государственной тайной, даже переговоры с иностранными посланниками» [\[3, с. 331\]](#). Такое замечание придаёт тексту черты ранней политической публицистики и показывает, как автор осмысливает прозрачность китайской государственной информации как феномен «рационального Востока».

Не менее интересен бытовой штрих, отмечаемый Иакинфом: он подробно описывает способ распространения газеты. Она выходила «...ежедневно, письменная — в тетрадке из 8–12 листов, а печатная — на целом листе», причём подписку можно было оформить даже «на несколько дней», а «доставка с доставкой на дом не превышала 1½ лана серебром в месяц». В этой детали просматривается желание автора показать, что информационная культура Китая имела практическую, обыденную сторону и была доступна не только чиновникам, но и горожанам.

В IX разделе своей книги — «Пояснение ответов г. Крузенштерна на вопросы, предложенные ему г. Вирстом касательно Китая» [\[6, с. 332-377\]](#) — Иакинф перепечатал (с сокращениями) свою книжку, изданную ещё в 1827 г. под названием: «Ответы на вопросы, предложенные г. Вирстом г. Крузенштерну относительно Китая» (см.: [\[5\]](#)). Здесь Иакинф давал свои варианты ответов. Один из вопросов был такой: «Где и сколь

знатны ярмонки, торговые места и складки товаров? Из каких портов производится торговля с Япониею, Филиппинскими и Зондскими островами и берегом Индии?» В ответе Иакинфа на этот вопрос есть одно интересное замечание, касающееся города Гуанчжоу и провинции Гуандун. Речь идет об ошибке, которую иностранцы и даже некоторые китайцы иногда допускают даже сейчас: «Гуан-чжеу или Гуан-чжеу-фу есть настоящее имя городу, который у нас ошибочно называют Кантоном. Слово Кантон ошибочно произведено от слова Гуан-дун, а Гуан-дун есть название Губернии, в которой Гуан-чжеу-фу главный город» [5, с. 18] (перепечатывая «Ответы» в книге 1840 г., Иакинф снял этот текст, данный в книжке 1827 г. в сноске).

В целом можно отметить, что книга «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» содержит много интересных фактов о Китае первой половины XIX века, как и другие книги Иакинфа, а также содержит ряд оригинальных идей, концептуально значимых для осмысления специфики китайской цивилизации. Однако не все русские критики того времени сумели это по достоинству оценить. Так, например, В.Г. Белинский, рецензируя в 1844 году другую книгу Иакинфа («Китай в гражданском и нравственном отношении»; ее новейшее переиздание: [8]), утверждал, что описание Китая в книгах Иакинфа было не столько реалистичным, сколько идеализированным (см.: [2, с. 595-599]). В чем-то знаменитый критик, вероятно, был прав, но нужно отметить, что название книги Иакинфа в рецензии Белинского приведено с ошибкой: «...в нравственном отношении» вместо «...в нравственном состоянии», то есть можно предположить, что он и читал ее не слишком внимательно.

Возможно, книги Иакинфа действительно поспособствовали формированию несколько идеализированного образа Китая в коллективном воображении русского общества XIX века, но это, конечно, не умаляет их значения для становления китаистики в России. Какую роль такие книги Иакинфа, как рассмотренная нами книга «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», сыграли в истории русской литературы, то есть в художественных произведениях писателей XIX века, касающихся Китая, – как источники фактических сведений о Китае или некоторых концептуальных идей – это еще предстоит выяснить: в этом мы усматриваем главную перспективу начатого нами исследования.

Результаты настоящего исследования были получены при финансовой поддержке Правительства г. Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

The reported study was funded by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Библиография

1. Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 314-350.
2. Белинский В. Г. "Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа" // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8: Статьи, рецензии и заметки. Сентябрь 1845 – март 1848. М.: Художественная литература, 1982. С. 595-599.
3. Белкин Д. И. Русские литераторы 20-х – 40-х гг. XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.). М.: Наука, 1984. С. 53-99.
4. Белкин Д. И. Бичурин Никита Яковлевич [в монашестве о. Иакинф, Иоакинф] //

- Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1 (А–Г). М., 1992. С. 270–272.
5. [Бичурин Н. Я.] Ответы на вопросы, предложенные г. Вирстом г. Крузенштерну относительно Китая. СПб.: Типография Императорского Воспитательного дома, 1827. 63 с.
  6. [Бичурин Н. Я.] Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1840. VIII, 442 с.
  7. Бичурин Н. Я. Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение / [биогр. очерк, коммент. и примеч.: В. Яськов]. М.: Эксмо, 2016. 448 с.
  8. Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / [Вступ. ст. А. Н. Хохлова; примеч. К. М. Тертицкого]. М.: Восточный дом, 2002. 432 с. (Серия "Классики отечественного и зарубежного востоковедения").
  9. Малькевич Б. А. Материалы к библиографии трудов Н. Я. Бичурина // Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: [В 3 т.]. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 87–92.
  10. Чэнь Пэйцзюнь. Стиль научных трудов Н. Я. Бичурина ("Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение"). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является актуальная на сегодняшний день проблема связи культур Китая и России в контексте их сравнения и сопоставления. Акцент в статье сделан на творчестве русского Архимандрита Иакинфа (Бичурина), который возглавлял русскую миссию в Китае и в первые попытался представить не только китайскую грамматику, но и осмыслить философию китайской культуры с позиции её самобытности.

Актуальность статьи заключается в том, что автор впервые рассматривает и анализирует с филологической точки зрения структуру и композицию книги «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», выделяя особенности не только содержания, формы, но и специфики самой китайской культуры.

Научная новизна данной работы заключается в том, что автор анализирует в данной статье последовательность частей (глав) книги и приходит к закономерному выводу, что данная книга имеет концептуальное значение, потому что Иакинф выстраивает свою книгу по логике движения мысли от формы (язык, государственная система) – к духу (мораль, мировоззрение). В результате, как отмечает автор, Иакинфу удалось создать первый в русской науке и литературе целостный образ Китая как рационально организованной цивилизации, которого ранее не было.

Стиль статьи выдержан в строго научной форме и носит описательный характер, выводы подтверждены примерами и логичны, утверждения автора иллюстрируются примерами из книги, умозаключения базируются на текстовом материале, что показывает глубокую проработку проблемы и высокое владение научным стилем речи. Структура логична и выстроена по принципу: тезис, подтверждение его фактическим материалом, промежуточные выводы, финальный вывод статьи полностью фокусирует в себе промежуточные выводы и умозаключения автора, является полным и не противоречит общей логике статьи.

Однако в качестве пожелания, в будущих исследованиях автору необходимо избегать оценочных суждений. Например, стр 5. «...В чем-то знаменитый критик, вероятно, был

прав, но нужно отметить, что название книги Иакинфа в рецензии Белинского приведено с ошибкой: «...в нравственном отношении» вместо «...в нравственном состоянии», то есть можно предположить, что он и читал ее не слишком внимательно...». Оценочных суждений следует стараться избегать в научных исследованиях, поэтому в качестве пожелания предлагаем автору статьи переформулировать данную мысль: «мы отчасти согласны с данным критиком в отношении идеализированного представления Китая архимандритом Бичуриным, однако название самой книги приведено в рецензии с ошибкой, следовательно мы можем предположить, что прочтение рецензента было беглым, без глубокого осмысления.

Содержание статьи не вызывает сомнения в своей фактической составляющей, однако статью следует дополнительно вычитать на предмет синтаксических построений.

Библиография статьи показывает глубокую проработку исследований литературоведов, посвященных творчеству Бичурина, выявляет также необходимость нового взгляда на его творчества с позиции современности, так как приведенные исследования датированы 80 -ми годами, поэтому авторское современное их переосмысление вызывает интерес и поднимает необходимость в свете развития русского-китайских отношений вновь вернуться к представлению Китая и его самобытности нашими соотечественниками. В качестве пожелания, было бы интересно не только историческое погружение и анализ самобытности культуры Китая, но и если бы автор исследования провел параллели с современностью и современными тенденциями.

Выводы статьи лаконичны, обоснованы.

В целом статья может быть рекомендована к публикации.